

СПЕЛАЯ

В нездоровом теле нездоровый дух

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Кирилл Матяш

Спелая. В нездоровом теле нездоровый дух

<https://litres.ru/74237897>

SelfPub; 2026

Аннотация

Безнадежный алкоголик со стажем становится жертвой слепой ясновидящей. Карикатура на современные сериалы про гадалок с философским подтекстом в жанре магического реализма.

ВНИМАНИЕ! В книге присутствуют: Кровь, мясо, кишки, похабщина, вульгарщина, алкоголики, убийства, безумие, расчлененка, мерзости, живые мертвецы, моральные разложенцы, говно, мат, похищение людей, сверхспособности, увечья, ненависть, каннибализм, полицейские, детектив, ясновидящая, переселение душ, отрицательная арка персонажа.

Содержание

Аперитив.	4
Жертва 1. Зависимая. Угасающая. Безданежная.	17
Жертва 211. Злая. Жалкая. Глупая.	29
Жертва 342. Одаренная. Беспечная. Наивная.	45
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Кирилл Матяш

Спелая. В нездоровом теле нездоровый дух

Аперитив.

Все не то, чем кажется.
Кирилл Матяш

Темное помещение было наполнено запахами затхлости и дешевого режущего ноздри алкоголя. Приглушенный свет заставлял испытывать усталость. Мерцающая светомузыка слепила. А колонки издавали противное дребезжание. Из-за не справляющихся с наплывом посетителей кондиционеров, по коже от шеи до поясницы нередко пробегали одинокие капли пота.

На сцене открытого микрофона вещал парнишка Абрам, лет двадцати, темноволосый и кудрявый, в легком темном поло и черных брюках со стрелками. Очки на его лице добавляли серьезности и предвещали интеллектуальный юмор. Опустив глаза на свои туфли, он семенил словами и заметно нервничал. Уголок его рта подрагивал в перерывах между фразами.

– И знаете что? Хорошего понемногу! Чтобы оставить приятные впечатления, я постараюсь закончить как можно скорее. Немного поговорим о мужчинах: я прекрасно понимаю ваши опасения. Ведь они не лишены смысла! Абсурда действительно хватает. Идиотов, маменькиных сынков, безработных и абьюзеров, желающих прогнуть под свои хотелки – тьма тьмущая. А «дикпиков» в мире больше, чем самих мужиков. И это факт. Будто они стараются задокументировать существование единорогов. Особенно трудно приходится красивым девушкам. Ведь к ним «дикпики» прилетают, как письма из Хогвартса: через щели в дверях и через камин, которого даже нет в квартире. Не дай Бог отец с работы принесёт. Останется только надеяться, что это не его член. Или хотя бы адресован не вам, – легкая пауза в выступлении не дала нужного результата, и парень поспешил продолжить. – Но я вот, никогда не понимал этого! Зачем это нужно? Способ самоутвердиться? Смысл показывать член незнакомому человеку? Уж лучше показать его маме. Она хоть порадуется, что писюн вырос с тех пор, как она его видела в последний раз. Лет в девять. Ну, или у кого-то чуть позже.

– Тебе просто похвастаться нечем, вот и не кидаешь «дикпики»! – крикнул какой-то пьяница из-за столика ближе к концу зала. Скрестил руки на груди и напряг свое лицо, доведя его до нелепого выражения: – Ну, а родная мать никогда не скажет, что у сыночка страшный хер.

– Простите, кричащий мужчина, а откуда Вы знаете? Вы

показываете свой член маме?

Из темноты зала послышался довольный хрюк и смех пары гаркающих чаек, кричал об успехе случайной шутки.

– Скажите, как Вас зовут? – Абрам прикрыл глаза от слепящих софитов и прищурился, чтобы разглядеть того, кто помешал выступлению.

– Марк!

– Так вот, Марк, если Вы и дальше будете развивать эту тему, то тут и до инцеста недалеко будет! Конечно, как известно, это дело семейное... И не мне судить, – стендапер и сам уже начал посмеиваться. – Но мы, пожалуй, продолжим.

– Мужикам как ни крути проще, чем девушкам. Ведь что мужику нужно? Трахаться! Любой, которого увидишь на сайтах знакомств, готов в ту же секунду, как ты напишешь ему «привет», выехать к тебе и задать жару. Пусть это и тридцать секунд, но зато каких! – выступающий сжал кулак и показал его зрителям, а затем зорко стрельнул глазами в сторону того самого Марка, перебившего его выступление. – Так что будьте осторожны, делая первый шаг. Нет ни одного мужика, который заходит на сайт знакомств просто чтобы пообщаться. А если говорит, что тебя не хочет, то врет. Без исключений. Короче, мужики – это точно не тот случай, когда одна голова – хорошо, а две – лучше. Они все равно не могут работать одновременно.

– Это что, из личного опыта? – Марк закатил глаза и недовольно фыркнул.

– Марк, Вы если думаете, что мы ведем с Вами диалог, то это не так! – зал начал хохотать. – Народ, не волнуйтесь! Это не подсадная утка, чтобы делать мои шутки смешнее. Понимаю, этот парень действительно настолько нелеп, что ему в пору стоять здесь, на моем месте.

Зал захохотал с новой силой. Абрам нащупал золотую жилу.

– Ты четырехглазый лошок! Да что ты о себе возомнил? – от злости у Марка задрожали губы и ноздри начали раздуваться. Покрасневшее лицо скрывала тьма заведения. Некоторые зрители обернулись и принялись что-то недовольно бурчать себе под нос.

– А вы знаете, почему некоторые мужики после нескольких рюмок становятся такими агрессивными и обычно лезут драться? – Абрам заглянул в глаза напротив сидящей девушке и подождал, когда она замотает головой из стороны сторону.

– Только алкоголь может дать им храбрость постоять за свои тридцать секунд в штанах и тридцать лет обид в голове!

– Ах ты педрила кудрявая! – едва связывающий слова Марк мгновенно сорвался со стула, и сбил телом металлический столик, за которым сидел. Опрокинул прозрачный пластиковый стаканчик с недопитым жигулицким и уверенно зашагал к сцене. – Я сейчас все твои четыре глаза на жопу натяну!

Девушка у сцены засмеялась, прикрыв ладонью рот. Аб-

рам узрел одобрительный смех и принялся продолжать свою импровизацию.

— Кстати, о тридцати секундах! В начале выступления я оправдался за свою «скорость»! — Абрам уставился на Марка, который плыл по залу. — А Вы как оправдываетесь? — закончил шутку и увидел, что Марк взял разбег напрямиком на сцену.

— А для вас сегодня выступал Абрам Балаган! До новых... — не успел договорить, как с ног его сбил Марк и принялся хлестать по лицу ладонью.

Микрофон упал на сцену, пронзительным писком разлетевшись по всему залу. Некоторые из зрителей, прикрыли уши ладонями. А охранники бросились разнимать дебоширов.

Через полчаса оба сидели в участке полиции. Пузатый мужчина в голубой рубашке с короткими рукавами и серыми брюками, обрамленными красной полосой, держал в руках листок бумаги с рукописным текстом и разглядывая его, попивал кофе. Пара пуговиц на рубаше были расстегнуты и демонстрировали под ней белую майку, вырез которой успел намокнуть из-за духоты.

Кабинет был пропитан запахом табачного дыма, как и все живое, находящееся здесь. С перебоями работающая лампа на потолке создавала напряженную атмосферу. Пара растений, стоящих в горшках на подоконнике, изображали процесс увядания правоохранительной системы. Абрам сидел в

напряжении, по струнке, выправив спину. Пока Марк вальяжно расплывался по неудобному стулу.

– Ну-с, Хуцпа Абрам Шмулевич, – Николай Михайлович с серьезным лицом опустил листок, – Вы действительно не имеете никаких претензий к этому гражданину? – указал ладонью на Марка.

– Да что Вы! Никаких претензий. Этот гражданин просто выпил лишнего и по неизвестным мне причинам оскорбился моим выступлением! – расплылся в улыбке, давая понять, что синяк под глазом не нанес ему серьезного ущерба. – А что он увидел оскорбительного, ума не приложу. Может он сам Вам расскажет?

– А вот это мы сейчас и выясним! Спасибо. Вы можете идти, – Папоротников скрестил руки на груди, откинувшись на кожаном кресле и уставился на пьяного Марка.

– До свидания, товарищ полицейский! – Абрам схватил кожаную курточку и закинул на плечо удаляясь из кабинета.

– До свидания, – буркнул вслед Николай Михайлович. – Марк, ну вот что мне с тобой делать?

– Да Михалыч! Он сам виноват! – Марк выпучил глаза и заерзал на стуле.

– Я уже шестьдесят лет Михалыч! – стукнул кулаком по дубовому столу. – Я сколько еще раз буду тебя из говна доставать? На прошлой неделе у ларька чуть поножовщину не устроил. Два месяца назад побил ящики с коньяком в круглосуточном! Это не еврейчик виноват. А ты! – Папоротни-

ков тыкнул пальцем в Марка. – И что, что твой отец мой друг? И что, что я твой крестный? Я не подписывался какому-то бездарю вечно жопу подтирать! Тем более, что даже батя из-за твоих пьянок уже от тебя отказался.

– Я...

– Заткнись, когда я говорю! Баба от тебя ушла. С работы уволили. Живешь у бабки. В голой комнате. Бухаешь беспробудно. По всяким богадельням бесплатным ходишь! А откачивали тебя уже сколько раз, ты помнишь?

– Да пару...

– Пару? – вскочил со стула и уставился в окно. – Мне это нахуя надо, Марк? Тебе всего тридцать лет! А ты спился практически! Это что, нормально по-твоему? Это что, повзрослому?

– Михалыч! – Марк старался вставить слово.

– Для тебя – полковник Николай Михайлович Папоротников! Начальник местного ОВД, который неоднократно уже твою жопу от тюрьмы спасал! – снова сел за стол и протер платочком потный лоб. – Давай. Что-то делай со своей жизнью. Думай. Лечись. Ложись в клинику! У отца денег проси. Не знаю. Что хочешь делай! Но еще один раз, – погрозил коротким, но толстым пальчиком. – Еще один раз, и я тебя отмазывать больше не буду. Ты у меня тут же сядешь! И я еще все твои прошлые заслуги припомню!

– Николай Михайлович, ну не могу я в клиниках лежать. Не помогают они! Сколько раз уже был!

– А что делать? Тебя реально посадить что ли? Там-то о синьке только мечтать будешь. Чифирнешь с сокамерниками и на боковую. И то, если повезет. Вот и вся радость. Или давай уже просто дождемся когда тебя в подворотнях зарежут?

– Может есть какой-нибудь другой способ?

– Ну, может и есть, – Михалыч тяжело выдохнул. – Ясновидающая есть одна. Баба Инна ее зовут, – он потянулся в сторону Марка и зашептал. – Поговаривают, даже смертельно больных лечивает! А тут одна знакомая у меня, дочку свою кодировала. После первого раза все! Как рукой сняло!

– А что с ней было то? Выпивала? Употребляла?

– Не важно, что с ней было. Здорова теперь. Все! – Николай Михайлович принялся писать ручкой на бумажке. – Вот тебе адрес, сынок! И смотри, съезди обязательно. Не слушаешься меня – наша с тобой дружба на этом закончится!

– Понял, дядя Коля! – Марк встал по стойке смирно и изобразил воинское приветствие.

– А теперь дружок, ночку пересидишь в камере. Для профилактики!

– Блять, ну Михалыч!

– Ничего-ничего! На пользу тебе пойдет! Протрезвеешь до утра, а потом выпущу. Чтобы еще каких дел не натворил!

Николай Михайлович выглянул из кабинета и подозвал жестом сотрудника. Сержант вошел и дал кивком головы понять, что Марку надо проследовать за ним. Выпроводив их за дверь, полковник заперся на ключ и уселся курить рядом

с распахнутым настежь окном.

— Да, правильно говорят, — сделал паузу, чтобы затянуться и выдохнуть струю дыма в открытое окно. — Горбатого могла исправить...

На следующее утро Марк вышел из полицейского участка протрезвевший, но уже требующий очередной дозы. По пути домой заглянул в ларек. Купил пару бутылок водки и маленькую чекушку про запас, которую всегда носил «на всякий случай».

Пока Марк брел до дома, в его душе скрежетало желание как можно скорее сделать заветный глоток живительной эссенции, который вернет краски в его жизнь. Поэтому он ускорил шаг, лихорадочно ковыряя обертку крышки.

Не обращая внимания, он жадно присосался к горлышку, как к канистре прохладной воды в глухой и жаркой африканской пустыне. Алкоголь уже давно не жег пищевод и пился легко и непринужденно. Когда двери отворились, в стеклянном сосуде уже не было половины.

Он неспешно спустился на один пролет и повернул на свой этаж, ковыляя к бабушкиной квартире. Приятное тепло расплывалось в желудке Марка, приподнимая настроение. Он подошел к двери и начал колотить по ней кулаком.

Бабушка открыла дверь. Полненькая и низкая, в домашнем халатике с цветочками и очками на носу. Ее серебряные волосы были аккуратно собраны в хвостик.

Зловонные нотки городского подъездного гетто сменяют-

ся уютом и заботой, стоит переступить порог. В квартире всегда стоял приятный запах сладкой выпечки и благородной старины. Теплый свет ламп с ног до головы обволакивал. И каждый гость ощущал умиротворение.

– А, это ты? – бабушка не выказала особого волнения.

– Не беспокоилась за меня?

Парень небрежно ввалился в квартиру, пройдя мимо нее.

– Прошли те времена, когда я обзванивала больницы и морги. Вернулся, и ладно.

– Вот оно как! – расстроено заключил Марк, наступив носком правой ноги на пятку левого ботинка стаскивая его.

– А как ты хотел? Устала я за тебя волноваться! У меня своих забот хватает! – захлопнув дверь тихонько зашаркала на кухню. – Ты чай будешь? Я тут поставила.

Марк проследовал за ней, и бабушка оглядела его с ног до головы.

– Хотя, я смотрю, ты уже хорош! – тяжело выдохнув, разочарованно покачала головой.

– Да нет, ба, не буду! – забросил одну бутылку «Изумрудного штемпеля» в морозильник, маленькую чекушку сунул в карман джинс и сел допивать до дна почую.

– Ну, где шлялся? Опять с Митькой своим в гараже сидели. Все машину они перебирают... Уж который год! А сами нажрутсЯ и спят потом! – налила себе чашку чая, бросила в него мяту и дольку лимона, лежавшего в блюде на столе.

– В полиции был, ба! – тоже схватил дольку, чтобы заку-

силь.

– Чего опять натворил?

– Да ничего я не натворил. Так просто, одного еврейчика приструнил! Михалыч меня снова в обезьяннике закрыл, – скрестил руки на груди и уперся спиной в холодную стену.

– Ты скоро напрочишься на приключения, внучок! Ой, как напрочишься! Все нейдет тебе! И в кого ты пошел такой? Вся семья военная: отец – полковник воздушно-космических сил, мать – капитан МВД, я в свое время была полковым врачом! Казалось бы, дисциплина! А ты?! – бабушка махнула на него рукой и отвернула голову в сторону. – Все целовали в жопу тебя с самого детства, вот и выросло хуй пойми что! А потом твои папенька с маменькой ручки умыли! Испортили мне внука, а я теперь расхлебывай! Не бросишь же тебя дурака!

– Да ну хватит, ба!

– Что хватит? Ты бы завязывал с этим всем! Только я с тобой вожусь, да Папоротников – бедняга! Хотя он то уж и давно тебе ничего не должен! Хоть бы когда спасибо ему сказал!

– Он мне тут гадалку посоветовал, ба! – достал листок с адресом из кармана и показал бабушке. – Говорит, что лечит наркоманов, алкоголиков, смертельно больных!

– Ну и поезжай вот! Пусть посмотрит она на тебя! Деда твоего тоже в свое время бабка одна в деревне от фимоза лечила!

– Каким это образом? Дрочила ему что ли?

Бабушка со злостью бросила вонючую тряпку во внука.

– Знахаркой была! Знающие они, – прикрикнула. – Дай

Бог и эта поможет.

– Да ну не верю я в эти магии ваши!

– Во врачей ты тоже не веришь! Пусть хоть от чего-нибудь толк уже будет!

– Съезжу! Все равно не отколется от меня! – допив остатки, Марк вскочил со стула и уже засобирался.

– Иди проспись сначала, а потом поедешь!

– Нет! Щас поеду! – бросил пустую прозрачную бутылку «Изумрудного штемпеля», затем достал еще одну и сунул ее себе в курточку.

– Делай, что хочешь! – бабушка тяжело выдохнула и откусила зефиру.

Он вышел с кухни и заглянул в туалет, чтобы справить нужду по малой, не закрывая двери.

– Совсем оборзел! – недовольно буркнула бабушка, слушающая как струя разбивается об унитаз.

– Все, ба! Я побежал! – появился в дверном проеме, застегивая ширинку джинс.

– Ни пуха! – отмахнулась от него старушка и продолжила пить чай.

Вывалившись на улицу, Марк вынул из левого кармана джинсовых брюк потрепанный, едва работающий телефон, в скором времени обещающий разрядиться.

– Так, где ты находишься, старая карга? – он достал визитку с адресом, чтобы забить его в навигатор. – Отлично! Тут ехать всего ничего...

Жертва 1. Зависимая. Угасающая. Безднадежная.

– Эй! Ты чего это? Ссышь что ли?

Марк сквозь сон услышал голос незнакомца и испуганно растопырил глаза.

– Твою же мать!

Он подскочил, обнаружив на себе мокрые старушечьи лохмотья. И лужу мочи под ногами. Сил хватило только на рывок, поднявший тело с деревянной скамейки. Тут же повалился на колени, не ощущая затекших конечностей. Их пронзила мгновенная и беспощадная колика. Он находился здесь уже долгое время.

– Где это я? Что со мной было? Приход какой-то? Белку поймал? – стоя на коленях оглядывал себя.

О том, что произошло недавно, даже смутно не напомнили изрепеченные ножевыми отверстиями окровавленные вещи, в которые он был одет. Марк уперся руками в асфальт и закашлялся, выпустив изо рта комков вязких слюней.

Глаза отказывались смотреть. Солнечный свет, отражаясь от бетона, беспощадно их резал. Запах свежевыссанного плотно бил в ноздри и рождал желание скорее задержать дыхание. Смерд вещей заставлял корчить лицо и сдерживать рвотные позывы. По коже пробежал марафон мурашек,

поднявший волосы дыбом. Только ветер ласково щебетал по ушам. Зажав рот ладонью, Марк принялся блевать. Сквозь пальцы. И ноздри.

– Я, конечно, многого повидал, но, чтобы настолько херово... – снова слышался голос из-за спины.

Вытирая лицо рукавом вязаного кардигана, Марк поднялся на обе ноги, переминаясь с одной на другую. И протерев глаза грязными ладонями, бросил взгляд на неизвестного.

Это был типичный сельский пьянчуга, сидевший на остановке с большой баклажкой пятилитрового пива. Пластиковая тара стояла на скамейке прильнув к телу. Он сидел, поцарски закинув ногу на ногу и с ехидной улыбкой грыз семечки. Разило от него не лучше, чем от Марка. Не мудрено, что разглядел в парне собрата.

– Давно тут сидишь? – Марк обратил внимание на ковер из очисток под ногами мужичка.

– Давно, – ухмыльнулся тот и сплюнул себе под ноги. – Ты из этих что ли? Как его... Тра-свинс-титс?

– Трансвестит?

– Во! Да!

– Нет, мужик. Не из этих я, – Марк на пару шагов отошел от остановки, чтобы оглядеть пустырь, на котором она стоит.

Вокруг не было ничего, кроме дороги, самой остановки и мужика, притулившегося в тени под козырьком, решившего попить пивка вдали от человеческих глаз.

– Тогда может ты бабка-повитуха? Роды мошт принимал?

А то вон, в крови замарался.

– Чел, ты в своем уме? Что за бред ты несешь?

– Да хер вас разберет. Я в колонии чего только не видел.

– Ходок что ли?

– Виновен. Бегал пару раз, – он улыбнулся несколькими серебряными передними зубами. – Да вас поди разбери! Чем народ только ни развлекается! Бред несу я, значит! А в бабых то ты шмотках! – засмеялся.

Из-за мерзкого смеха, уродца хотелось придушить.

– Я и сам нихера не понимаю! – Марк сел обратно на скамейку и уперся ладонями в колени. – Как я тут оказался? Почему я ничего не помню? Сколько времени прошло?

– Вот уж чего не знаю, того не знаю. Бухал ты знатно, похоже. Я хоть и сам люблю пригубить, но тут ты даже меня обошел. Разит за километр, мама дорогая, – он поднял руки и сделал удивленное лицо. Затем полез в карман треников, чтобы достать пачку сигарет и закурить. – Правильно мамка моя говорила: *кто пьёт, тот сам себя губит!* – на несколько мгновений уставился в даль задумчивым взглядом. – Она спилась, кстати. – довольно хмыкнул и затанулся. – Тебе, наверное, похмелиться надо! После такой попойки голова разрывается, наверное? – готовый поделиться, мужик стрельнул взглядом на свою баклажку.

– Да, было бы славно! Во рту как насрали!

– Обычное дело! На, промочи горло! – протянул баклажку Марку, продолжая курить.

Марк взялся за нее рукой. Виски молнией прострелило воспоминание. Баклажка из рук выпала на бетон. Возмущения мужика Марк уже не слышал, кроме треска в голове. Как весенний лед, на который наступаешь, хрустом лопающихся извилин возвращал его в прошлое:

– Эй! А почему это он идет? – кто-то из сидящих на скамейке начал возмущаться. – Почему он идет раньше нас? Я тут уже второй день сижу!

– Тихо! – кто-то шикнул в ответ. – Бабушка сама вызывает в первую очередь тех, кому это особенно необходимо!

– Да, согласен! Выглядит он так себе! – неизвестный скорчил лицо, оглядев парня с ног до головы.

Эхо голоса старухи отражалось от стен пустой черепной коробки Марка и рябь воспоминаний снова брызнула в глаза, словно белый шум телевизора. Картинка сменилась.

– Проходи, Марк, садись, – ясновидящая указала рукой на табурет, приглашая парня сесть.

– Откуда Вы знаете как меня зовут?

– Я многое знаю, – отвечала загадочным голосом, пока Марк присаживался за стол. – Вижу, пришел ты с серьезным вопросом! – бабушка потерла ладони и выставила их напротив парня. Несмотря на то, что бабушка была слепой и веки ее уже давно не поднимались, казалось, что она видит даже куда больше, чем зрячие люди. – Недуг тебя пожирает, алкоголем увлекся ты серьезно!

– Да, боюсь, бабуля, это видно невооруженным глазом!

– он хрипло посмеялся, распространяя перед собой терпкий запах перегара. – Вы правы. Все родные от меня отвернулись. Только бабушка меня терпит. В больницы ложиться не хочу. Пропаду я там. На Вас последняя надежда! Можете ли Вы мне помочь?

Марк схватился за виски. Старался проморгаться закатив зрачки. Из ноздри выглянула тонкая струйка крови.

– Извини, Марк, – она помотала головой из стороны в сторону. – Поздно ты пришел. Не помочь тебе уже! Тебе осталось от силы пару недель!

– Но как же так? Как Вы вообще можете говорить такое?! Мне сказали, что вы помогаете зависимым излечиться! Даже смертельные болезни лечите! – Марк вскочил с места так, что табуретка на которой он сидел опрокинулась, он ударил обоими кулаками по столу срываясь на крик. – Ты моя последняя надежда, бабушка! Лечи меня давай!

Шум проезжающей мимо машины оглушил Марка и он, зажав уши бросился кричать.

– Без толку тебя лечить! Лечатся те, кто жить дальше хочет! А тебе это уже давно не нужно! Просто пока еще в этом никому не признался! Поди прочь! – уверенно заключила бабуля.

– Я пришел сюда за исцелением, блять! За тем, чтобы дальше продолжать жизнь! А не узнать о том, что я скоро помру!

Марк встал и повернулся к старушке спиной и выхватил

чекушку из внутреннего кармана курточки, чтобы успокоить себя глотком горячительной. Откупорил бутылек и залпом выдул все, что в нем было. Затем закашлялся поперхнувшись, и проронил несколько капель, стекиших по подбородку.

Он зажмурил глаза, что есть силы. Чувствуя, как его мозг разрывается надвое.

– Вот-вот! Так же ты и захлебнешься скоро, в своей рвоте! Лежа на полу в своей пустой комнате! Даже бабка родная тебя спасти не успеет! Ты не серчай, не моя тому вина. Все родные тебя уже похоронили! Ты не жалец! Труп! – бабушка прикрикнула в спину вытирающему подбородок Марку.

– Ах ты старая сука! Это ты сейчас станешь трупом! – Марк выхватил из джинс туристический выкидной нож и бегом бросился на бабушку.

В порыве ярости он повалил старушку на землю, левой рукой зажал ей ладонью рот, а правой нещадно наносил ей удары ножом в живот и грудь. Снова и снова. Без остановки.

Ясновидящая, схватившись ладонями за его лицо, что-то мычала. Через несколько мгновений вся трава была залита кровью. Затем тишина. И тьма. Тьма освобождающая.словно полет в невесомости. Они оба лежали в отключке. Затем тело поднялось. Сознанием старухи в теле Марка.

– Ишь ты! Убить меня захотел? Не тут-то было, дрищавый сопляк! – сказал он бабушкиным голосом.

Дальше ничего не помнил. Ничего. Всепоглощающая пустота. До сего момента на остановке. Марк повалился в лужу собственной мочи. Выпустил весь воздух из легких и скорчился как засохшая на солнце муха. Не в силах больше кричать, он боялся, что не сможет вздохнуть. Теряясь в глубине колодца своего бессознательного, шел на голос мужика, как на свет маяка.

– Тихо-тихо, – пьяница приподнял голову Марка. – Щас поправишься, не бойсь. – любезно поднес к губам Марка баклажку с пивом как мать новорожденному бутылочку с молочком. – Посидим тут с тобой. Я тебе столько историй расскажу, закачаешься!

Марк пил из баклажки так, будто не пил никогда. Намертво присосался к горлышку, делая жадные глотки раз за разом.

– О! Ожил! – зашебетал мужик. – А ну, погоди! Все не выпей. Мне-то оставь. – зажав сигарету зубами, принялся отрывать бутылку ото рта парня.

Через мгновение на коленях мужика лежал уже не Марк, а ясновидящая баба Инна. Ее пышные старушечьи формы наполнили некогда свисающие с худого мужского тела лохмотья. Лицо налилось узнаваемыми бабульчими формами, вторым подбородком и сединой. Глаза ее были закрыты, будто намертво приклеены клеем-моментом.

– Еб твою... – заметив молниеносные изменения в парне, мужик опешил и отпрянул от старухи.

– Да не еб. Не придумывай. Многое повидал, говоришь?
– она поднялась на ноги. – А вот это ты видел?

Бабушка что-то сделала со своим лицом, от чего оставшиеся волосы на голове пьянчуги поседели. Он заскулил как пес и бросился бежать. Будто увидел саму смерть.

– То-то же! – отрыгнув газы, она принялась допивать остаток. – Инна снова с вами, сучки! – стерла остатки хмельного напитка со своих губ. – Всегда говорила: *не трогай стариков – кто стар, тот прав!*

Бросив у обочины пустую бутылку, бабушка вприпрыжку зашагала домой

Инна с трудом доковыляла до своей берлоги, в которой жила уже многие годы одна. Не желая столкнуться с просителями, перевалилась через забор задней части своего участка и направилась в дом, через внутренний двор.

За домом никто кроме нее не ухаживал. Да и много ли могла сделать слепая старуха? Инна видела больше, чем остальные. Но не могла видеть пыль и паутину, которыми порос ее дом. Лица на иконах в красном уголке потускнели и будь их воля, покинули бы дом. Лампочки в светильниках перегорели и требовали замены. С виду это был обычный старушечий дом, но стоило тут остаться подольше, как внимательный глаз замечал, что это место потихоньку увядает вместе со старухой. Редко прихожане помогали прибраться в благодарность за оказанные услуги. Но постоянных помощников у нее не было. Все только просили и даже нередко тре-

бовали помощи. В воздухе летали частицы грязи, которые за день нанесут своими ногами посетители. И только одиночество обнимало своим холодом со спины. В летнее время года она почти никогда не топила печку и мылась в тазах, что стояли на улице, нагреваясь солнечными лучами. Питалась она тем, что приносили прихожане. И этого хватало.

У порога она споткнулась о свое старое бездыханное тело, которое лежа на солнце, с минуты на минуту начало бы приманивать мух.

– Тфу ты, собака. Хорошо не нашел никто!

Инна взяла труп за руки и оттащила к погребу одной из комнат. Сдвинула половицу ногой, наклонилась и нащупала кольцо. Подняла крышку и принялась спихивать тело в погреб.

– Да что ты, сука такая! Отожралась же!

Она ударила по трупу, что есть силы. Он качнулся в сторону пропасти и перевалившись рухнул в темноту, глухим грохотом разбиваясь о лестницу. Оставляя следы по всей поверхности лестницы.

Потеряла контроль. Но почему? Сопляк пришел ко мне синий. Переселение произошло именно в этот момент. А потом... Неужто? Чертяка проклятая! Но так не должно было случиться! Нельзя допустить, чтобы он жизнь мне испортил! Придется делить это тело на двоих. Не допуская, чтобы сопляк вырывался наружу. Не могу позволить ему находиться в сознании. Не-мо-гу!

Она хлопнула крышкой погребца и вернула на место ковер.

Неужели теперь всегда будет так? Неужели теперь мне придется постоянно пить, чтобы быть в себе? Необычные ощущения. Зато я всегда в приподнятом настроении! Хочется... шкодничать!

Инна собираясь переодеть окровавленные вещи, пошла рыться в сундуке наощупь. В открытое окно первого этажа, по сложенным рядом бревнам, карабкалась какая-то темно-волосая девчонка. Лет семнадцати на вид. С торчащим телефоном в руках.

– Бабушка! Бабушка! – кричала она, наполовину протиснувшись в оконную раму.

– От, сука! – старуха вздрогнула и схватилось за сердце. – Что такое, внученька? – Инна заинтригованно подобралась к девушке и затащила ее за пояс внутрь дома.

– Бабушка, помогите мне стать популярной в ДикДоке! – она схватила Инну за плечи и затрясла старушку. – Я уже все тренды переснимала! Да что я только ни делала! Просмотров нет! Подписчиков нет!

А что, идея! Нужна мне та, которая б следила, чтоб мой бокал всегда был полон. И тогда пацан не сможет вернуться!

Инна расплылась в теплой и понимающей улыбке. Как любая старушка, готовая угостить внуков конфеткой.

– Деточка, не нужно тебе это, – она положила ладонь ей на лицо, прикрыв глаза. – Теперь, у нас есть дела поважнее!

Девушка оцепенела, опустила руки и выронила свой мобильный телефон на пол. Через мгновение ее взгляд остекленел. Она была готова беспрекословно повиноваться. Любой прихоти старухи. Забыв, за чем пришла.

– Как тебя зовут, внучка? – осторожно повела девушку к выходу, придерживая ее под руку.

– Анечка!

– Нет. Не нравится мне это имя! Танечкой будешь! – заключила Инна и подвела девушку к выходу.

Оказавшись на улице, Инна провела головой слева направо. Как собака-ищейка чужла очередь из прихожан, накопившихся перед приемом. Она видела людей сквозь закрытые веки. Инна сложила большой и указательный пальцы, поднес их ко рту и звонко свистнула. Люди на нее уставились.

– Сегодня приема не будет, бездельники. А ну, разбежались все быстро по домам! – она грозно притопнула ногой и недовольный народ начал расходиться в разные стороны.

– Так, Танька, дело к тебе есть. Там на кухне настойка где-то стоит. Поищи.

– Да, бабушка, поняла!

Танечка, не раздумывая бросилась на кухню, но поскользнулась на массивном кровавом следе, тянущемся со двора до комнаты с подвалом и уселась на пятую точку.

– Бабушка! А что тут случилось? – забеспокоилась девушка. – И почему у тебя одежда в крови? Примета верная есть: *где кровь пролилась, там беда не минует!*

– Ничего страшного, внушка, из бабушки тампончик выпал! Прибери-ка здесь все. И это, Танька!

– Да, бабушка?

– Затем добудь нам компьютер какой... Расширяться будем!

Жертва 211. Злая. Жалкая. Глупая.

Заурядная жизнь Аркаши давно не приносила в каждодневно повторяющиеся ритуалы ничего нового. Ему было уже двадцать пять лет, а он так и сидел на шее у родителей, проигрывая лучшие годы жизни в несуществующих компьютерных мирах, бессовестно мечтая о карьере киберспортсмена. Мама Аркаши не хотела рушить детские мечты сына, поэтому подмяла под себя отца, чтобы тот не лез с нравоучениями. Сам того не понимая, Аркаша находился в дне сурка, из которого не было выхода.

Его комната перманентно озарялась светом радужного перелива компьютера и сопутствующих ему аксессуаров. Солнечные лучи уже давно не проникали внутрь, и круги под глазами парня сторожили блэк-аут шторы. Запах электронных сигарет раз за разом наполнял помещение приторно сладковатым ароматом фруктов. Разбросанный по полу мусор с крошками ужасал каждого наступившего на них. На всю силу работающий кондиционер гнал прочь всех теплокровных существ. Заслышав приглушенные матерные выкрики из-за двери, родители парня понимали: его не стоит беспокоить. Пожалуй, стоит сделать ставку на сестру.

Последняя тяжело сыгранная партия за любимой компьютерной игрой Кока 2 в очередной раз вызвала яростный гнев в отношении своих сокомандников. Аркаша злился, выкри-

кивая матерные фразы в микрофон. Тужился и мычал что есть силы, напрягая мышцы всего тела. Вена на лбу вздувалась, а лицо краснело. Желая своим напарникам смерти, он благим матом, брызжа слюной, доказывал, что спал с матерью каждого из них. Последняя кульминационная фраза об отцах напарников, хоронившая их в сточных канавах, стала для Аркаши тревожным звоночком.

Сфинктер заднего прохода решил возразить парой жгучих и хлюпающих бульканий, намочив трусы с характерным звуком рвущейся задницы. И он ощутил, что из него выливается не только желчная речь в отношении всего живого. Аркаша подскочил со своего велюрового игрового кресла в боязни запачкать его. Пулей сунул руку в трусы и провел пальцем между подгоревших половинок своего сидалища. Старательно сжимая анальный проход, он старался не допустить ни малейшей протечки.

Увидев, что на пальцах Аркаши находится не фекальный след, как следовало того ожидать из-за пристрастия к раздражающим кишечник яствам, а алая кровь с ярким запахом железа, парень изо всех сил побежал к уборной, издавая попердывающие звуки. Стиснул зубы, прищурил глаза и бежал, пересекая большую четырехкомнатную квартиру. У туалета, он схватился за ручку двери и яростно пытался проникнуть в комнату к белоснежному вечно голодному другу. Но дверь была заперта. Там находился отец, который выкроил свободную минутку «для себя». Глава семейства сидел на унитазе

в очках, неспешно почитывая местную газетенку о том, как похорошел город при новом мэре и держал зубами тлеющую сигаретку.

Аркаша застучал в дверь кулаками. Уже не в силах сдерживать напор, давящий на клапана, ронял на линолеум ярко-красные капли крови.

– Кто там ломится? – послышался из-за двери басистый голос.

– Папа, у меня уже нет сил терпеть! – он умолял, пуская слезы из своих покрасневших от компьютера глаз.

– У меня уже тоже нет сил вас терпеть! Я хоть где-нибудь могу побыть наедине?!

Аркаша сильным рывком дернул на себя старенькую дверь туалета оторвав дверной косяк. Забежал к отцу, столкнул его с унитаза в угол маленькой туалетной комнатки и сорвав с себя шорты вместе с трусами принялся с изнеможенным воплем струить кровью в унитаз.

Отец уже было хотел накричать на сына за такой дерзкий поступок. Но увидев дальнейшую картину застыл в немом молчании. Только выронил сигарету и открыв рот наблюдал, как сын струил кровью во все стороны, молча принимая на себя удар летящих алых брызг.

Когда Аркаша освободился от скопившейся в нем субстанции, то потерял сознание. С голой, окровавленной задницей он вывалился из туалета на пол квартирного коридора. Мать и маленькая сестренка выбежали на грохот и остолбе-

нели вместе с забрызганным в углу туалета отцом. Женщина поспешила прикрыть глаза дочке и спешно увела ее прочь. А их маленькая собачонка прибежала, чтобы полизать парню без сознания нос.

– Напомни, Галина, чтобы мы больше не заказывали эту острую курицу, – отец перешагнул лежащего на полу сына и протирая линзы очков майкой, направился в ванную.

Через несколько минут очнувшийся Аркаша вскочил прервав звонок обеспокоенной матери в скорую. И устраняя последствия извержения, бросился вытирать задницу туалетной бумагой, на которой увидел кровавый след в виде человеческого черепа. Знак показался Аркаше очень странным, и парень сохранил этот кусочек, спрятав под подушкой. На всякий случай. Для специалистов.

Этим же вечером нерадивый киберспортсмен, пока его родители закрашивали побелкой стены туалета, изучал просторы интернета в поисках решения своей внезапно возникшей проблемы. Первой же строкой наткнулся на сайт блога ясновидящей бабы Инны. Его вела некая Танечка, записывающая все интересные случаи в новостную ленту. Внимательно прочитав отзывы счастливых посетителей, Аркаша решил обратиться к ней за помощью.

Взяв с собой множество запасных трусов и бинтовой ткани, он менял их каждые пятнадцать минут пока ехал к бабе Инне. Складывал все в полиэтиленовый пакет, переодевался за зданиями, прятался за кустами и машинами на парков-

ке. Наконец-то доехав до станции, где живет бабушка он избавился от улик, сбросив пакет рядом с большим мусорным контейнером. Из-за него тут же показалась бездомная собака, бросившаяся исследовать манящий ее запах из пакета. Она рылась носом и виляла хвостом, а затем и вовсе принялась трепать окровавленные бинты. Аркаша поморщился и сдерживая рвотный позыв, поспешил к бабушке.

Деревушка находилась недалеко, и Аркаша легко нашел к ней путь, спрашивая дорогу у местных жителей. Каждый, хоть и немного, но слышал о ней, поэтому с легкостью мог указать путь к ее участку.

Атмосфера деревушки успокаивала тишиной здешних мест. Неспешный шелест никуда не спешащих деревьев, ласково шептал на ухо и дарил умиротворение. Чистый воздух наполнял легкие истинной свежестью, свободной от выхлопных газов городских автомобилей. Голубое небо улыбалось взору каждого человека и беспрепятственно пропускало лучи солнца, нежно обволакивающих кожу. Но Аркаша не мог проникнуться этим загородным блаженством. В безуспешных попытках прекратить потерю крови, он придерживал сфинктер своего анального прохода пальцами.

Пересекая заросшую высокой травой речку, Аркаша в полуприсяде, прикрывая кровавый след на штанах рукой, стиснув ягодницы ковылял по мосту. На нем он увидел деревенского парня в кожаной куртке на голое тело и шортах с пальмами, листающего смешные видео в телефоне. Улыбчивый

молодой человек, заметив истерзанный и жалкий вид Аркаши, сразу смекнул, что тот направляется к ясновидящей и решил его проводить до домика и, заодно, узнать не подошла ли его очередь.

– Аркаша! – крикнула недовольным и усталым голосом вышедшая из домика Танечка.

– Да с хуя ли Аркаша?! – некогда улыбочивый парень в черной кожаной куртке, сменил свое настроение на гнев. – Я, блять, уже три месяца тут жду! А ведь он только пришел! Я, блять, уже разбил здесь палатку, нахуй, – парень начал размахивать в гневе руками.

– Бабушка сказала Аркаша! А значит у него проблема посерьезнее! – закричала своим звонким и строгим голосом Таня. – Пожалуйста, подождите! – взяла под руку Аркашу и утащила его за собой.

Пройдя дом ясновидящей насквозь и выйдя во внутренний двор, Танечка с Аркашей увидели поодаль стоящую спиной к столу Инну. Она ритмично танцевала под музыку из рядом стоящего магнитофона, покачивалась из стороны в сторону и держала в зубах тлеющую папироску.

– Бабушка? – удивилась Танечка. – Ты себя плохо чувствуешь?

Бабушка, услышав, что ее заметили остановила танец. Следом она щелкнула пальцами, и музыка прекратилась. После чего, Инна резко отшвырнула сигарету, уголек с которой упал ей на грудь, и бросилась его смахивать, чтобы он ниче-

го не прожег.

Она резко развернулась. Потеряла равновесие и едва не упав уперлась руками в свои колени. Затем выпрямилась и звонко хлопнула в ладоши:

– А, Аркаша! Ну, проходи, садись! – Инна указала рукой на табуретку.

Сама в тот момент ковыляла к стулу и пошмыгивала носом, с заметным белым следом возле ноздрей. Аркаша осторожно присел за стол, продолжая со всей силы стискивать ягодницы и заметил на столе маленькое блюдо с белым порошком на нем.

– А это у Вас что такое? – восторженно поинтересовался паренек и потянулся к блюду.

– Это мука... Для обрядов! – рявкнула на него бабушка, ударив ему ладонью по руке.

– Прямо как в сериалах про гадалок! – мечтательно ото-звался Аркаши.

– Мы не в сериале! – снова рявкнула на него бабушка, заметно потрясывая под столом ногой. – И совать свои руки, куда ни попадя, не стоит... пока они есть! Ну-с, рассказывай. С чем пришел, милоч?

– Бабушка, понимаете, я всегда хотел стать киберспортсменом. Но когда я проиграл очередную катку в Коку, я очень расстроился. А затем, не знаю, как и сказать. Из меня струилась кровь, и я потерял сознание. А уже после инцидента, я увидел кровавый знак на туалетной бумаге. Понимаете,

бабушка, этот знак меня очень насторожил. Знаю, что Вам нужно было его принести, но... я забыл, – парень состроил виноватое лицо.

Старушка залилась неконтролируемым хохотом.

– Простите, я сказал что-то смешное?

– Да это я так, анекдот вспомнила, – бабушка достала из-под юбки маленькую ящерку и отшвырнула ее в кусты. – Дай тебя посмотрю! – бабушка привстала со стула и приложила руки к голове Аркаши.

Через мгновение, Инна будто ощутила его боль и сама, изрядно начав испускать зловонные газы, схватилась за свою пятую точку. Надрывно постанывая, резко отняла от Аркаши руки. Парень зажал нос и запах старухиных зловоний начал резать глаза.

– Я знал! Я знал, что Вы увидите мою проблему! – промычал он сквозь пальцы.

– Это Танька вчера гороховым супом угощала. – она на мгновение задумалась. – И все же правда! Проблема тут куда глубже, чем кажется на первый взгляд! Поднимайся! – бабушка показала жестом, чтобы парень встал на табурет.

Аркаша повиновался, встал на табуретку, приспустил штаны с трусами и прикрыл свой прибор ладошками, стесняясь наблюдающую за процессом Танечку. Она с отрешенным и пустым взглядом, крутила самокрутки и смотрела сквозь него куда-то в даль. Бабушка подошла к пареньку и нагнулась, чтобы понюхать его задний проход.

– Бедою пахнет, – бабушка с многозначительным и серьезным видом, почесала висок. – Сейчас мы посмотрим, что можно сделать!

Вновь нахлынувшая волна крови из задницы Аркаши с треском вырвалась напористой струей и омыла лицо бабушки Инны так, что кровь залилась даже в рот. Бабушка, с невозмутимым видом выплюнула ее под ноги Аркаши.

– Танечка! Неси воды ведро!

Девушка мгновенно сорвалась с места. И скрылась в глубине дома.

После того, как Аркаша подмылся, и Инна умыла лицо, они снова сели за стол, чтобы продолжить беседу.

– Так, значит, Аркаша, я дам тебе обряд, который ты должен будешь обязательно проводить каждый вечер.

– А что делать с кровью?

– Таня! Неси пробку и свечи!

Танечка прибежала через минуту с пробкой от шампанского и горсткой толстых свечей.

– Вот тебе заговоренная анальная пробка. Вставишь ее в задний проход и кровь идти перестанет, – посмеивалась бабушка. Свечи подожжешь и произнесешь заговор! Танечка тебе выдаст листок, на нем все будет написано. Но смотри, Аркаша, – бабушка пригрозила пальчиком. – Если с обрядом накосячишь, не поможет он тебе!

– Хорошо, бабушка, спасибо! – поблагодарил и принялся уходить со двора полный надежд на выздоровление.

А следующий посетитель уже ломился в дверной проем. Танечка, удерживая его руками, заталкивала бесстыжего обратно в дом, не пуская к бабушке.

Так прошел месяц. Аркаша перестал играть в компьютерные игры и каждый день расхаживал с пробкой от шампанского в заднице. Не пропускал и обряд ясновидящей, который заключался в активном массажировании анального прохода со словами:

Успокойся, дорогой,
А то дам тебе ногой;
Кровушка, угомонись
И назад в очко вернись.
Будем жить мы дружно,
И ничего больше не нужно!

Слова должно было повторять двенадцать раз. А сам обряд проводить в темноте, при свечах, расставленных вокруг очерченного мелом круга с пятиконечной звездой внутри, в котором должен на коленях, нагнувшись стоять Аркаша. Парнишка для пущей гладкости стянул из тумбочки матери клубничный лубрикант.

В один из таких вечеров, тихонько приоткрыв дверь к нему заглянул обеспокоенный отец, и ошалев от увиденного, вбежал в комнату с криками: «Сейчас я тебе ногой как пиздану! Чем ты тут занимаешься, мелкий засранец?! Говорил же, надо было тебя в военное училище отдать! Развел тут

всякую пидорасню при свечах!». На крик отца снова прибежала мать и сестренка. Но закрыть глаза девочке она не успела. Тут же упала в обморок. А маленькая сестричка убежала в слезах, заработав себе не весть какую психологическую травму.

Ученый этим случаем Аркаша стал подпирает дверь гирей двадцати четырех килограмм, чтобы никто не мог ему помешать. Наконец-то пригодилась. Он свято верил в обряд бабушки Инны. И продолжал систематически исполнять наказанное. Даже несмотря на то, что приступы кровавого фонтана его периодически посещали. Пару-тройку раз и Аркаша уже начал испытывать наслаждение от процесса. В голове держалось: не будь бабушкиного обряда, он бы и сам не прочь поскользнуть пальчиком по анальному отверстию. Привычный благой мат сменился приглушенными вздохами наслаждения вперемешку с речитативом заклинания и танцующими из-под двери в свете свечей тенями.

Мать Аркаши плакала ночами. Боясь, что внуков она не дождетсЯ и вскоре сын приведет к ним знакомиться своего ухажера. К удивлению всей семьи, жизнь Аркаши начала налаживаться, и он даже обзавелся девушкой.

Дело близилось к сексу. Первому сексу в жизни Аркаши. Он с вожделением ждал пятничного вечера, когда родители с сестренкой уедут на дачу и оставят его одного, чтобы наконец стать мужчиной.

Лелея мечты об идеальном исполнении своего первого ра-

за, как в подростковом кино, Аркаша готовился к приходу своей девушки Олеси, стараясь ничего не упустить.

Когда Аркаша закончил, комната благоухала приятными ароматами ванили. Он застелил новое белоснежное постельное белье. Задвинул шторы, чтобы не пропускали свет с улицы. Свечи, которые использовал для обряда, теперь горели ради них обоих. Расставил их по комнате, на компьютерном столе и тумбочках возле кровати.

Легкая эротическая музыка тихонько играла из компьютерных колонок. Прохлада кондиционера в пылу страстного секса должна компенсировать температуру их тел. Глаза радовали разбросанные лепестки алых роз. Последним штрихом была дежурящая в ведре со льдом бутылка шампанского.

Олеся вошла в комнату в эротичном белом нижнем белье: едва прикрывающийся ореолы груди бюстгальтер, стринги и чулки на подтяжках. Распустив свои выющиеся локоны цвета блонда, она была похожа на ангела, спустившегося с небес, чтобы наказать грешника. Девушка невесомо легла на кровать спиной и игриво, привлекая расставила перед Аркашей ноги.

Парень, брызжа слюной уже сбросил с себя футболку и расстегнув ремень на брюках, подался на кровать, чтобы скорее коснуться ее губами. Олеся грациозно вытянула мысок вперед и уперлась им в лоб Аркаши.

– Не так быстро, ковбой! – посмеявшись, она убрала ступню с лица парня. – Ты же помнишь, что ты должен мне стрип-

тиз? – прикусила ноготок указательного пальца зубами и заулыбалась.

Аркаша запрыгнул на кровать и начал свой нелепый танец. Спустил брюки, скинул их ногой на пол. Когда дело дошло до трусов, повернулся к Олесе спиной, позабыв о том, что у него вставлена анальная пробка. Резко нагнувшись, он стянул трусы до пят. Пробка от шампанского под напором скопившегося давления, выстрелила из задницы Аркаши в лоб ничего не подозревающей девушке. Тугая струя крови брызнула с лица заливая кровать. Олеся закричала и попавшие в рот ошметки кровавых сгустков и кала вывернули желудок наизнанку. Соскочила с кровати и задела стоящие на тумбе свечи, попадавшие на пол. С животным ужасом в глазах, бросилась бежать из квартиры и рванула в нижнем белье по улице домой. Пока истекающий кровью Аркаша искал куда закатилась пробка, чтобы вернуть ее на место, кровь продолжала покидать его анус. Через считанные секунды голова закружилась, тьма застлала глаза, и он потерял сознание, повалившись с кровати.

Упавшие свечи огненными языками зашекетали деревянную кровать. Вскоре ее охватило пламя, а вместе с тем и всю комнату. Через тридцать минут от квартиры не осталось живого места, как и от Аркаши.

Тем временем бабушка Инна сидела за столом, опрокидывая очередную стопку клюквенной настойки, а Таня записывала удивительную историю излечившегося Аркаши на сайт

в ноутбук.

– Знаешь, Танечка, фуфло все это! Яйца их, куры, обноси... Чего они херней-то мне платят? – бабуля издала истошный крик и потрясла головой в разные стороны. – Бухло пусть несут! Бухло! Самогон там какой! Ну, или деньги... Предупреди их, что без должного уважения принимать никого не буду! – она стукнула кулаком по столу. – Иди, быстро!

Танечка побежала на улицу к посетителям. А сама Инна решила пройтись, чтобы успокоить свой разбушевавшийся разум. Ощущая, что тело Марка сопротивляется, она то и дело ловила звездочки перед глазами. Пока не опрокинет стопку другую, приступы не прекращались.

Она добрела до кухни, чтобы найти выпить, что покрепче, да по сильнее. Остановившись перед зеркалом во весь рост в прихожей, она бросила в него взгляд через закрытые веки. Пред ней предстал настоящий хозяин тела – Марк. Хоть старуха и не видела его, она его ощущала. Как чужое присутствие. Как человек, который стоит позади тебя слишком близко. Как натиск навязчивых образов, атакующих тебя, пока ты моешь голову с закрытыми глазами. Она полностью управляла парнем, но владелец давал о себе знать, проявляясь во всех отражающих поверхностях, мерцая неприятным ощущением инородного. Навязчивым чувством, что кто-то стоит над душой. Другие же люди, благодаря наложенной иллюзии старухи, видели в истинном хозяине тела престаре-

люю женщину. И только она знала, что ее сознание томится в полном сил молодом теле.

– Сраный сопляк! – ясновидящая подошла вплотную к зеркалу. – Сгинь! – ударила лбом в отражение и разбила его, пустив по всей площади мелкую паутинку из трещин. – Ты думаешь ты самый умный, да? – снова ударила головой в зеркало. Мелкие осколки врезались морщинистый лоб. – Будь ты проклят! Ты не вернешься! Никогда! – еще один удар разбросал по поверхности стекла мелкие капельки крови.

– Бабушка! – на крик прибежала Танечка. – Что случилось? – она подбежала к старушке и придерживая ее под руку отвела подальше.

– Ничего, внученька. Не видела куда иду!

– Я принесу полотенце! – забеспокоилась Танечка.

– Лучше самогончика плесни!

Танечка дрожащей рукой наспех налила сто грамм самогона в жестяную кружку и взяв полотенце побежала к старухе. Инна выхватила у Танечки из руки напиток и залпом залила в себя. Пока девушка протирала лоб старушки, раны стремительно затягивались.

– Чудо! – воскликнула Танечка.

– Чудом будет, если ты допишешь историю про Аркашу! Уж сколько времени прошло, а его все на сайте нет!

– Прости, баб Инн. Уже бегу.

Старуха тяжело выдохнула и уселась на табурет. Танечка забежала в дом и села за стол дописывать новость.

– Баб, Инн!

– Чаво?

– Какую примету верную подписать к истории Аркаши?

– *На Бога надейся, а сам не плошай!*

– Бабушка, а что, если Аркаша не выздоровеет? Мы же не можем писать неправду!

– Пусть это будет для тебя первый урок: все пишут неправду, внушка. Журналиги, рекламщики, политики. Любую историю нужно только правильно продать. У людей такая натура: им скажешь, что дерьмо вкусное, и они бросят его жрать, чтобы доказать тебе обратное! Как паук плетет свои сети для мух, так и мы будем писать свои истории для дураков. Нам от них нужны только деньги. И алкашка! Без нее никуда.

– Мудрая Вы!

– А то! Ты это, давай меньше языком чеши! Зови следующего бедолагу!

На следующий день, на главной странице сайта бабы Инны красовалась новость, как ясновидящая в геморрой Аркаши нашептав излечила беднягу от недуга.

Жертва 342. Одаренная. Беспечная. Наивная.

Вадим Веселов – выдающийся детский писатель, сколотивший состояние на книжках с волшебными мирами и магическими персонажами. Множество детей выросло на его сказках, и большое количество матерей были ими безмерно довольны. Из каждой второй детской спальни по вечерам звучали произведения Вадима. Каждый критик, бравший в руки его книги, говорил однозначно: Вадим – талант во плоти!

Сейчас в кабинете его большого дома в элитном поселке, во всю силу кипела работа. Приглушенный свет настольной лампы не давил на глаза и был единственным источником света. По кабинету тянулся мягкий шлейф молотых кофейных зерен. Как муха, бегая от стола к кофейному аппарату, Вадим быстро шаркал домашними тапочками по гладкому паркету и едва на нем не скользил. Надуманная писателем спешка, гоняла его до состояния легкого пота на лбу. Смахивая махровым рукавом своего халата капли, он садился пить еще одну чашку. Кофеин и легкая классическая музыка разгоняли его мысли и позволяли творить в полную силу.

Сегодняшним вечером, Вадим решил, что достоин написать автобиографию, пока он так удачно находится на пике

своей карьеры. Он предусмотрительно взял тетрадку, чтобы делать записи внезапно приходящих в голову мыслей. И это была его ошибка. У Вадима была особенность или, вернее сказать, дар, о котором он пока не догадывался. Записывая ключевые моменты своей жизни на бумаге, черт его дернул для «красного словца» окрестить свой половой член большим кабачком.

Как только он поставил точку, детородный орган Вадима превратился в самый натуральный огородный кабачок, плавно перетекающий прямиком в его пах. Боль метаморфоз пронзила его выстрелом между ног и взвизгнув Вадим опустил голову вниз.

– Твою мать! Как это? Откуда?

Вадим вытаращил глаза и глядел в трусы, из которых вываливался тот самый огромный овощ. Его можно было смело нести на конкурс самых больших овощей. А под ним, как полагается, болтались теплые мужские яички.

– Неужели все, что я напишу, теперь сбывается? – он с интересом бросился к тетрадке. – На моей кухне живет... Саблезубый тигр!

Коттеджную тишину разорвал рык древнего животного, материализовавшегося из воздуха. Звон разлетающейся кухонной утвари, заставил Вадима вздрогнуть и по его коже наперегонки засоревновались мурашки.

Из комнаты неподалеку послышался хриплый крик старенькой матери писателя, которая надеялась в покое дожить

свои последние годы. Она уже давно не вставала с кровати, и Вадим нанял для ухода за ней сиделку. К ее счастью, у которой сегодня был выходной.

Он осторожно выглянул из-за дверного косяка и узрел тень, отбрасываемую дикой саблезубой кошкой.

– Не может быть! – шептал он, придерживая свой торчащий из домашних треников кабачок. – Последний представитель рода саблезубых умер тысячелетия назад!

– Вадим! Что это за звуки?! – надрываясь и кряхтя кричала старенькая матушка. – Вадим, сделай потише!

Писатель замер словно статуя, боясь пошевелиться и задержал дыхание. Сдерживая любой позыв к морганию, Вадим чувствовал, как сохнет его глаз, пока трехсоткилограммовый зверь, рыча, крался в комнату к его вопящей матери.

– Вадим! Что я тебе сказала? – она с трудом оторвала голову от подушки и увидела перед собой ставшего в атакующую позу тигра.

– Наконец-то! – с радостным криком, матушка подняла руки вверх. – Избавь меня от страданий!

Саблезубый тигр сорвался с места, принявшись забавы ради разрывать старушку в легкой ночнушке на части.

Вадим успел умыкнуть только свой мобильный телефон и бросился бежать на улицу. Пока он перелезал через высокие кованые ворота с витыми прутьями, зверь с окровавленной мордой уже несея за ним. Чуть было не схватил в прыжке своими клыками Вадима за ногу. А тот перевалился через

забор на землю. И поднявшись на ноги, с безумными воплями, рванул как можно дальше от участка. И только через несколько минут понял, что потерял кусочек своего баклажана.

Вадим и не догадывался, что был в безопасности до тех пор, пока писал в программе на компьютере. Именно поэтому созданные им миры, населенные волшебными драконами, карамельными облаками и дружелюбными зверушками никому не угрожали.

Мама Вадима же с самого начала знала о его особенности. Ведь когда он в детстве на сочинениях по русскому языку, писал, как он провел лето, в их квартире внезапно появлялись вещи, которых они не покупали и не дарили маленькому Вадиму. Сначала мама думала, что ее сын ворует, но быстро поняла, что у сына дар.

Разыскивая на просторах интернета службу по отлову диких животных, Вадим наткнулся на страничку ясновидящей бабы Инны в социальных сетях, и решил обратиться к ней за помощью.

На следующий день, добравшись до домика старухи уже под вечер, Веселов увидел выстроенную в ряд очередь из посетителей. Каждый из них держал в руках деньги, какие-то маленькие свертки или бутылки с алкоголем. И это только те, кто еще не устал стоять на своих двоих. Некоторые из них надеялись, что смогут «отстоять» свое право быть принятым старухой, а другие делали ставку на дары, что принесли с со-

бой.

Воздух был наполнен множеством разных запахов, от сигаретного дыма, до запахов похлебки на ночь перед сном. В глаза бросались огни, которые светились в палатках на пустыре, недалеко от домика ясновидающей. Кто-то играл на гитаре у костра тянущиеся словно мед песни, а кто-то едва слышно кашлял, лежа в простом спальном мешке у забора бабы Инны. Не смотря на обилие людей, костров и летней жары, по всей округе стелился туман, сыростью оседающий на коже.

Рядом со входом в дом на фейсконтроле стояли двое вышибал в черных спортивных костюмах и балаклавах, и кого-то проверяли.

– Что принёс? – спросил один из охранников старого, худосочного, скрючившегося от долгих лет жизни, горбатого дедушку с тростью.

– Молочка коровьего! – с улыбкой на лице дедуля поднял руку с авоськой, в которой виднелась прозрачная трехлитровая банка свежего молока.

– Не примет! – один их вышибал помотал головой.

– Алкоголь или деньги есть? – поинтересовался другой.

– Откуда же у меня, сынки, выпивка с деньгами? Отдаю последнее, что есть!

– Тогда проваливай!

– Помощь мне нужна, сынок. У меня все животные болеют. Бараны, коровы, курицы. Все козы померли. Одна толь-

ко осталась. И та ни жива, ни мертва. Издалека я приехал. Надеюсь, что бабушка поможет.

– Проваливай тебе говорят, старый!

– Но я....

– Шагай отсюда!

Бугай пнул старика ногой. Тот упал на землю, разбив последнюю банку с молоком. От досады дедушка скрючился на земле и начал горько плакать. Ни один из тех, кто стоял в очереди не обратил на него внимания и не подошел. Только один Вадим подал ему руку.

– Давайте я Вам помогу, дедуля!

– Спасибо, сынок! – дедуля поднялся, и Вадим помог ему отряхнуться от дорожной пыли.

– Не расстраивайтесь! Я знаю как Вам помочь! – он подал дедушке трость и отвел его подальше от дома, к стоящим рядом высоким кустам. – Скажите, у Вас есть ручка и листок? Или что-то в этом роде?

– Да, сынок, вот, – дедушка сунул руку во внутренний карман джинсовой жилетки и достал оттуда исписанный блокнот с карандашом.

– Вы не против, если я возьму это себе?

– Ты чего хотел то? Как же ты собираешься мне помочь?

– Вы не поверите, но я даже лучше, чем ваша баба Инна,

– Вадим открыл блокнот и приготовился писать. – Как Вас зовут?

– Иннокентий, Кеша, – дедушка приподнял с лысой голо-

вы кепку и протер потный лоб платочком.

Вадим принялся писать, а старик с интересом начал наблюдать за процессом.

– Все животные дедушки Иннокентия выздоровели и больше никогда не будут болеть, – писал Вадим, проговаривая в слух.

В этот момент, дедушка, прибывая в недоумении почесывал затылок.

– Все, дедушка. Возвращайтесь домой. Я Вам обещаю, что Ваши животные будут полностью живы-здоровы.

– И как же мне это поможет, сынок?

– Все будет в порядке.

– Но ты же просто записал это на листке!

– Дедуль, я волшебник!

– Да ну! – старик рассмеялся. – Будь так, лучше б ты меня домой отправил!

– А что, идея, – воскликнул писатель и тут же взялся черкать в блокноте. – Иннокентий мгновенно оказался у себя дома!

Проговорив то, что пишет в слух, Вадим поставил точку и дедушка тут же испарился.

– Отлично! Все работает. Как часы! – Вадим принялся делать следующую запись. – Под моими ногами внезапно появилась коробка дорогого коньяка. Точка.

На носки ботинок писателя лег тяжелый ящик «Pennessy Eclipse», один из экземпляров, существующих ограничен-

ным тиражом в три тысячи штук и примерной стоимостью около двенадцати тысяч долларов.

Вадим поднял его и направился к вышибалам.

– Мне срочно! – писатель показал в своих руках коробку элитного коньяка.

Вышибалы молча переглянулись, вытаращив глаза.

– Во дела! Это ж «Pennessy»! Я их раньше только на картинке видел! Проходи скорее, не тяни! – они расступились и дали Вадиму пройти.

В этот момент очередь на вход из двадцати трех человек начала громко возмущаться, выкрикивая матерные слова и поливая прошмыгнувшего писателя грязью.

Когда Вадим вошел во двор, его встретила Танечка, сворачивающая на лавочке возле входа сигаретные косячки для бабушки.

– С каким вопросом пришли? – спросила она, облизывая бумагу для самокруток.

Вадим, огляделся по сторонам, положил ящик с коньяком на скамейку. Распахнул плащ и показал свой внушительный кабачок, который он привязал бинтами, прислонив к животу, чтобы овощ не мешал передвигаться. Танечка от неожиданности вскрикнула и повалилась со скамейки.

Вадим развязал бинты и кабачочлен отлипнув от живота, принял горизонтальное стоячее положение. Танечка на четвереньках подползла к кабачку, чтобы его разглядеть поближе.

– Фу! Уберите! – с презрением Танечка скорчила лицо.

– Я не знаю, что теперь делать!

– Я знаю! – крикнула выбежавшая с кухонным топором бабушка Инна.

Резким взмахом руки, она пронесла топорик прямо перед лицом Танечки и отсекла Вадиму кабачок. Писатель с жутким криком упал на землю, зажав свой обрубок и скорчился от боли. Инна подняла овощ с земли.

– На! На суп пойдет! – ясновидящая бросила кабачок в ошалевшее лицо Танечки, и он упал прямо ей под руки.

– Чего села? Иди, жрать готовь! – она пнула девушку в бок и та, свалившись на землю подобрала овощ и побежала в дом.

– Подымайся! Садись! – прикрикнула Инна на Вадима.

Он осторожно поднялся, прикрыв плащом то, что осталось от его достоинства и поскуливая, как раненный пес, уселся на табурет перед бабушкой. Инна хлопнула два раза в ладоши и боль Вадима прошла.

– Ну, с одной твоей проблемой мы разобрались! Что еще у тебя?

– Надо же, все прошло! Да, согласен, сразу к делу, – начал он. – Все, что я напишу, мгновенно исполняется!

– Это что еще за чудеса?

– Ну, смотрите, – писатель достал блокнот. – На столике бабы Инны появился миллион долларов. Точка.

Вдруг с неба на стол упала большая сумка, а в ней пачки

настоящих долларов.

– Во дела! А что еще сможешь?

– А что скажете!

– А тетрадь смерти сможешь наколдовать? – Инна нагнулась над блокнотом, будто сможет увидеть то, что напишет мужчина.

– Ладно. В руках Бабы Инны появилась тетрадь смерти. Точка.

Перед бабушкой материализовалась черная тетрадка.

– Ебутся мишки возле шишки, – она задрала руки вверх вместе с тетрадью. – Это ж, золотая жила! – Инна безудержно бросилась хохотать.

– Я так не думаю, бабушка! Я не хочу, чтобы мой дар мог кому-то навредить! Помогите от него избавиться!

– Ты шо несешь, окаянный? Такая силища в твоих руках! А ты – глупец! Не буду тебе помогать! – она ударила ладонями по столу и вскочила со стула. – Примкни ко мне! И вместе мы добьемся неведанного!

– Раз так, значит... я сделаю это сам!

Вадим, не раздумывая бросился писать что-то в блокнотик.

– Таня, ебанные волки! – Инна запрыгала на месте.

Из дверного проема вылезла голова Танечки.

– Шо зыришь?! Гаси его! – бабушка тыкала пальцем на пишущего мужчину.

Танечка с пониманием кивнула, скрылась в доме и уже

через пару секунд выбежала с лопатой наперевес. Девушка с размаху ударила Вадима по затылку и стальной звон разлетелся по округе. Писатель упал без сознания.

– Что он успел написать? – Инна запрыгала от нетерпения.

– Немного, бабуль. Только «Вадим Веселов навсегда лишился...» и все!

– Яиц! Допиши «яиц»! – с ребяческим задором завопила старуха.

– Ну, ба!

– Пиши, тебе говорят!

Танечка тяжело выдохнула и послушно дописала то, что потребовала Инна.

– Ну что там?

Девушка распахнула плащ и уставилась писателю между ног.

– На месте, бабуль!

– Твою то мать! – с досадой гаркнула ясновидящая и прикусила свой кулак. – Ладно, Танька, к тебе дело есть! Возьми эту черную тетрадочку и карандашик. На улицу выйдешь и запишешь туда имя и фамилию каждого бедолаги!

– Поняла! – Танечка схватила тетрадь смерти, карандаш и бросилась на улицу.

Бабушка тем временем принялась тащить Вадима в дом, взяв его за руки. А после вышла проверить улицу, где вся очередь легла замертво.

– Тишь, да гладь! – довольная улыбка на лице старухи рас-

тянулась от одного уха до другого.

– Бабушка, я что-то сделала не так? – в тревоге к ней подбежала перепуганная Танечка с трясущимися руками.

Инна набрала полные легкие воздуха и медленно выдохнула.

– Благодать! Хлопцы, приберите тут! – ясновидящая показала пальцами на трупы посетителей. – Все добро тащите ко мне в комнату! – бабуля развернулась и зашаркала обратно в дом.

Вышибалы переглянулись и послушно принялись оттащить замертво упавших посетителей в небольшой лесок, находящийся недалеко от участка бабы Инны. Затем, взяв лопаты, закапывали всех и каждого в братскую могилу.

Очнулся писатель, погруженный во тьму. Таковую, что хоть глаза выколи. В маленькой комнате домика. В смиренной рубашке, с кляпом во рту и металлическим ошейником на шее, от которого тянулась толстая цепь, приделанная к потолку.

– Ну шо, пришел в себя, писака? – бабушка вбежала в комнату и из дверного проема полился яркий свет, ослепляя Вадима. – У меня есть для тебя еще один подарок, так что не рыпайся... Таня! – крикнула она. В комнату вошла Танечка и принялась держать писателю ноги.

– Не рыпайся, мой золотой теленок! – бабушка достала из кармана толстый пластиковый хомут и затянула его на ногах писателя так, что он буквально врезался в кожу, от чего Ва-

дим приглушенно прикрикнул.

– Бабушка, а не жестко мы с ним? Ни поесть, ни в туалет сходить!

– А шо? Не в санаторий приехал! Да не ссы, быстрее slo-
мается! А ведь могли по-хорошему, Вадик!

Бабушка с Танечкой вышли из комнаты, звонко хлопнув
дверью и Танечка плюхнулась за стол. Открыв ноутбук, она
принялась дописывать историю Вадима: «И таким образом
дар писателя послужил благому делу!».

– Поговорка одна верная есть, – бабушка плюхну-
лась рядом с девушкой и откупорила бутылочку коньяка
«Pennessy». – Что написано пером, то не вырубишь топором!

– Что-то знакомое, баб Инн! Кто это сказал?

– Я сказала!

Приметив сквозняк, бабушка побрела закрыть входную
дверь на засов. Дверь распахнулась, ударив бабу Инну по
голове так, что она сразу повалилась на пол и заскулила.
Внутри вбежал парнишка в кожаной куртке и гавайских шор-
тах.

– Ну что, теперь то примете? – он воодушевленно расста-
вил руки в стороны. – Там никого нет!

– Нет! Дебил! – Танечка подбежала к Инне и принялась
поднимать ее с пола. – Посмотри, что ты натворил.

– Простите, я не хотел!

Тем временем вернулись мордовороты с лопатами. Уви-
дев картину в прихожей, они замерли. Глаза растерянно пе-

ребегали со старухи на парня и обратно. Вопрошающе они уставились на Танечку. Она провела указательным пальцем по шее. Однозначно распознав знак, охранники бросились забивать парня лопатами. А Танечка в это время привела в комнату ясновидящей уже не ее.

Легкая дымка иллюзии растворялась, как сигаретный дым, и настоящий хозяин тела проступил. Девушка усадила Марка на кровать, а он, потирая глаза стал осматривать помещение. Не понимая, где оказался, его сердцебиение участилось вслед за дыханием, он попятился ближе к окну.

– Че за херь? Где я? – Марк выпучил глаза и забегал ими по комнате.

– Кто ты?

Танечка уставилась на Марка, а он на нее. Оба на мгновение замолчали и никакие слова не приходили на ум.

– Куда ты дел бабу Инну?

– Баба Инна? Ясновидящая? Блять, где я? Я же ехал к ней, чтобы... Почему на мне снова женские вещи? Кажется я...

– Погоди. Отдышись. Принесу настойку валерианки для успокоения! А потом во всем разберемся.

Танечка молнией вернулась с кухни и протянула ему рюмку. Марк шустро выхватил стопку и тут же опрокинул.

– Черт! Вот об этом я не подумал!

– Что такое?

– Это я выяснил еще когда выбухал все успокоительные капли дома у бабушки. Все они сделаны на основе этилового

спирта, – руки Марка затряслись, а кисти сжались, как лапы коршуна. – Сука! – он повалился на пол.

– Сука! – тело поднялось, но то был уже не Марк.

— Бабушка! Это ты! — Танечка с ребяческим задором радовалась.

Инна стремительно двинулась в коридор, где почти добитый сельский парнишка лежал на животе и стонал. Умолял прекратить, принимая удары лопат бугаев. Он с трудом поднял взгляд на Инну.

– Эй, педрила! — вытянула кисть перед собой. — Прием окончен! – щелкнула пальцами и тело парня разорвало на мелкую кровавую пыльцу, оросившую пространство вокруг. Танечка от неожиданности вздрогнула и начала протирать пальцами глаза.

Инна снова упала без сознания. В голове помощницы промелькнула картина, как раны старухи затягивались после алкоголя. Опомнившись, она побежала за стопкой самогона, чтобы напоить Инну. Девушка села на колени и положила на них голову старушки. Через пару секунд, она снова пришла в себя.

– Завтра новых поищи. Эти придурки не справились! – кивнув в сторону вышибал, Инна поднялась на ноги, оперившись руками на Танечку.

Надо бы запомнить – заклинания посильнее, тратят больше алкоголя, – думала старуха, шаркая за новой порцией перед сном.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.